

ТЕАТР ДЛЯ МИЛЛИОНОВ

ТРЕХСОТЫ спектакль, пятисотый, семисотый... Как горд коллектив театра! Как радуется драматург! Тысячный спектакль — редкое событие в театральной жизни; оно означает, что пьесу посмотрели восемьсот — девятьсот тысяч зрителей. На это, конечно, требуются годы. Скажем, арбузовской «Тане» в театре имени Маяковского для этого понадобилось двадцать лет.

А сколько зрителей смотрит сейчас спектакль московской телестудии?

— Миллионов шесть, — отвечают одни.

— Не преуменьшайте, — поправляют другие. — Ваша цифра относится к той поре, когда передачи Москвы еще не смотрели на Украине. Речь должна идти минимум о семи миллионах зрителей!

Могут назвать еще и третью цифру — конечно, тоже миллионных масштабов. Но не стоит ломать голову над тем, какая из них наиболее точная. Ведь очевидно, что ту зрительскую аудиторию, которую собирает одна телепередача, театр и кино могут собрать только десятками тысяч спектаклей и сеансов.

К этому надо добавить, что количество зрителей в нашей стране растет буквально ежедневно, ибо каждый день в квартирах советских людей появляются тысячи новых телевизоров, ибо каждые две недели в строй действующих вступают новые телецентры и ретрансляционные линии.

Золотая пора большого советского телевидения не за горами — она предначертана семилеткой. А недавнее постановление Центрального Комитета КПСС о дальнейшем развитии советского телевидения реально приближает наступление этой поры и указывает конкретные пути к непрестанному росту телевидения как важнейшего средства партии по коммунистическому воспитанию народных масс.

Формы творческого участия писателя в телевидении поистине безграничны, начиная с самой простой — с выступления перед телезрителями. Литератор найдет достойное место и в пропагандистской передаче, и в научно-популярной, и в педагогической — словом, в любой. Но в наших заметках идет речь о тех передачах, в которых роль писателя первостепенна, — о передачах художественных, требующих, подобно спектаклю и кинофильму, драматургической первоосновы.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ передачи заслуженно занимают значительное место в многообразной программе нашего телевидения. Лучшие спектакли многонационального советского театра, кинофильмы, музыкальные представления, эстрадные обозрения, лучшие постановки народных театров и художественной самодельности должны показываться на телеэкранах. Такие передачи по достоинству оцениваются прежде всего зрителями, лишенными возможности увидеть все это со сцен театров, с подмостков местных домов культуры. Можно ли, однако, показывать по телевидению только то, что создают театр и кинематография? Ни в коем случае! И не только потому, что даже всей продукцией художественной кинематографии и всем репертуаром основных театров телевидение заполнило бы только небольшую часть времени, уже ныне отведенного для художественных передач.

Ограничиться лишь тем, что создано театром и кино, — это значит было бы резко затормозить развитие телевидения как нового вида искусства, обладающего всесторонними изобразительными средствами, имеющего возможность не только органически сплавлять все средства театра, кино, музыки, эстрады, хореографии, художественного слова, но и создавать свои, новые

ЗАМЕТКИ О ДРАМАТУРГИИ ДЛЯ ТЕЛЕВИДЕНИЯ

□ □

формы художественного воздействия на зрителя.

Неспроста телезрители активно проголосовали за телевизионные спектакли и фильмы, поставленные специально для телеэкрана. В этих постановках используется богатейшая палитра средств любого искусства, камерные сцены чередуются с натурными съемками, драматургия подкрепляется документальностью. В этих постановках ощущается — пусть пока в неполной мере — свойственное телевидению задушевное, непосредственное обращение к человеку, который смотрит передачу в привычном семейном кругу. В этих постановках преобладают «крупные планы» и концентрированные мизансцены, благодаря чему ни одна деталь не ускользает от внимания зрителя.

Наконец, зритель с нетерпением ждет специально телевизионных постановок еще и потому, что они быстрее и оперативнее (да простят нам некоторые эстеты этот термин), нежели театр и кино, откликаются на волнующие, жгучие вопросы современной советской и международной жизни. Словом, от телевизионных постановок зритель ждет не только современности, но и своевременности.

ВОТ ПОЧЕМУ во всю ширь встает сейчас задача создания специального репертуара для художественных передач, проблема теледраматургии.

И хотя это стало очевидным не в самую последнюю минуту, творческая работа драматурга для телевидения до сих пор подменяется преимущественно бесплодными в наших условиях дебатами о том, как телевидение «конкурирует» с театром и кинематографией, подменяется взаимными упреками драматургов и работников телевидения.

В результате Центральная телестудия может осуществить самостоятельную постановку новой пьесы лишь в том случае, если ни один московский театр ее не планирует в своем репертуаре. Так было с пьесами «Сердца должны гореть» Л. Митрофанова и «В огненном кольце» П. Борисова, премированными на конкурсе к 40-летию Октября. Так было с «Весенними грозами» И. Попова и «Домом на болоте» Л. Рахманова и Е. Рысса.

Мы назвали несколько пьес, поставленных телестудией, потому что написанные для театров, они не увидели света ramпы. А можно ли сейчас назвать (не считая одноактных) хотя бы одну большую пьесу, написанную советским драматургом специально для телевидения? Такой пьесы нет. Даже к 90-летию со дня рождения В. И. Ленина телевидение не покажет новой пьесы советского драматурга с образом великого вождя.

Стоит ли после этого удивляться, что львиную долю репертуарного плана телевизионных постановок составляют инсценировки прозы. Однако и на произведение прозы может наложиться «табу» театр или киностудия. Спектакль «Чудотворная» по одноименной повести Владимира Тендрякова Центральной студия телевидения собиралась показать вскоре же после ее опубликования в журнале. Но непреодолимым барьером на пути к этому оказалось намерение киностудии «Мосфильм» экранизировать «Чудотворную». Прошло полтора года, благое намерение так и осталось благим намерением, а миллионы телезрителей не увидели спектакля, который помог бы борьбе с изуверами, растлевающими души своих молодых жертв. По тем же причинам бесплодными оказались и попытки поставить телеспектакль по «Зеленому лучу» Леонида Соболева.

Когда драматургу предлагают выступить по телевидению, он, как правило, соглашается. Он понимает, какая высокая честь для советского писателя поведать свои мысли и наблюдения сразу нескольким миллионам сограждан.

Когда же драматургу предлагают написать пьесу или сценарий для телевизионной постановки, он, как правило, отказывается. Хотя тоже, конечно, понимает, как дорога для советского писателя возможность донести свое произведение до такой широкой массы зрителей.

К сожалению, еще есть существенные причины для подобных от-

казов. Тут и отсутствие единого исполнительского коллектива на телестудии, зачастую нарушающее стилевое единство постановки, осуществляемой силами актеров-совместителей. И невозможность на первом же этапе работы над телепьесой творчески связаться с режиссером, которого драматург хотел бы видеть постановщиком своей пьесы. И неупорядоченность материально-правовых вопросов, признаваемая руководящими работниками телевидения.

Но все эти (и многие другие) причины никак не могут оправдать невнимания советской драматургии к репертуарным нуждам молодого, боевого и грандиозного по масштабам искусства телевидения.

С ГОРЕЧЬЮ приходится признать, что большинство советских драматургов пока только критикует телевидение, но творчески весьма мало ему помогает. Странно, как это орган Союза писателей «Литературная газета» до сих пор ни разу не сказала ясно и вразумительно, что драматурги ответственны перед народом за репертуар для художественного телевидения не меньше, чем за репертуар театра и кинематографии.

Мы же, говоря об удачных телепостановках, можем назвать лишь инсценировки прозы Ю. Германа, Н. Грибачева, А. Ференчука, А. Бека, К. Паустовского, Г. Радова. Инсценировки, конечно, нужны, но не они, а телевизионная драматургия в первую голову может принести крупные творческие победы нашему художественному телевидению. Неужели это неведомек театральной критике? Почему же она в таком случае хранит гордое молчание?

А ведь речь идет не только о телеспесах, но и о телесценариях. Телевизионные фильмы, которые будет снимать создаваемая ныне студия «Телефильм», потребуют от сценаристов, режиссеров, операторов и актеров иного подхода, иных приемов, зачастую совершенно отличных от традиций кинематографии. Практической работе по созданию телефильмов должна помочь теоретическая мысль; кинокритики должны по крупинкам собирать и обобщать то ценное, что уже достигнуто в этом направлении. Но кинокритики, следуя печальному примеру их театральных собратьев, даже не начинали еще творческого разговора о специфике фильмов, предназначенных для телевидения.

НЕ ХОТЕЛОСЬ нам в этих заметках поминать пресловутую «специфику». Еще свежи в памяти времена, когда под флагом специфики предпринимались попытки преградить доступ в кинематографию настоящей драматической литературе. Но с телевидением сейчас происходит нечто противоположное. Появился взгляд на телевидение как на «голую технику», а не искусство, имеющее свои изобразительные возможности, свои новые художественные формы, свое новаторское влияние на все виды искусства. Мы не упоминали бы об этой «точке зрения», не превратись она в ширму для оправдания «ненужности» телевизионной драматургии. Ежели, мол, это голая техника, то пусть она и занимается лишь механическим показом того, что создано театром и кинематографией.

Хочется верить, что в большом и серьезном разговоре о телевидении, который непременно должен состояться на предстоящем пленуме правления Союза писателей СССР по вопросам драматургии, такие неверные взгляды на искусство телевидения будут развенчаны. Не может быть сомнений, что пленум наметит творческие и организационные формы поворота советской драматургии к этому бурно растущему искусству современности.

А. ПЕРВЕНЦЕВ,
Ц. СОЛОДАРЬ.